

Игумен Агафангел (Белых): Какой не должна быть община

25 Март 2015.

Какой сегодня должна быть христианская община? Строго такой, как в древние времена? Как сегодня создается община? Что делать, если она превращается в круг интересов для избранных? Рассказывает игумен Агафангел (Белых), настоятель Архиерейского подворья Свято-Николаевского собора в г. Валуйки (Валуйская и Алексеевская епархия), сотрудник Синодального миссионерского отдела, руководитель миссионерского стана «Спасский» в п. Тикси (республика Саха).

– Мне кажется, что сегодня в дискуссиях о том, что такое христианская община, иногда звучит неверная мысль: нужно вернуться в прошлое, стремиться построить общину так, как это было в ранней Церкви. Но Церковь – это живой организм, который растет, изменяется.

Сейчас, например, любая попытка совершить на приходе Русской Православной Церкви богослужение чином времен апостольских будет, отчасти, искусственным и театральным действием.

Ведь прошли столетия, богослужение сформировалось, обогатилось новыми элементами. «Христос вчера и днесь, Тойже и во веки»: содержание нашего упования неизменно, однако мы видим, что внешнее выражение нашей веры, язык нашей молитвы может изменяться в соответствии с эпохой, с национальной культурой и т. п. Несомненно, это касается и общинной жизни.

Та община в античном её, раннехристианском, понимании, о которой мы узнаём, читая Деяния, где было общее имущество, где люди жили сплоченно одной общей жизнью в условиях внешнего притеснения, я уверен – в наше время в России практически невозможна.

Любые попытки к ней вернуться будут похожи на попытки взрослого человека влезть в свои пеленки. Они вызывают умиление, когда мы на них смотрим, и для того ребеночка они были удобны и хороши.

Но человек вырос и изменился. Даже монастыри, ставшие своеобразным ответом миру на ослабление христианского духа, сейчас редко бывают похожи на искреннее братство единомышленников-подвижников, а больше напоминают производственные или

сельскохозяйственные предприятия, где трудятся и совместно проживают верующие холостяки.

Община, общение

Думать о том, что люди, которые встречаются в церкви на несколько часов в неделю, могут составлять некое подобие той самой евангельской общины, конечно, ошибочно.

Как это бывает, современные горожане могут двадцать лет ходить в один храм, знать в лицо тех людей, которые стоят рядом с ними на службах, но не понимать, не быть в курсе их жизненных проблем, даже не ведать их имён.

Поэтому, прежде всего, община в современном смысле должна начинаться, мне кажется, с попытки взаимопомощи друг другу, взаимопонимания. Когда мы говорим об общине, мы должны понимать, что это однокоренное слово со словом «общаться» и «общение». Чтобы появилась община, нужно начать общение.

Потому что если мы будем ходить с флагом: «мы – община», но не будем готовы взять на себя какую-то недостаточность другого человека в надежде, что и он нам ответит тем же (а, может быть, и без всякой такой надежды), то все останется на уровне театра и декламации.

Почему нам Евангелие говорит о важности отношений именно с ближними людьми? Потому что от ближних больше проблем. Очень часто удобно любить весь мир, а любить соседа, который сверлит стену в выходные или поздно ночью, или любить родственников, которые ведут себя не лучшим образом по отношению к нам, намного тяжелее.

Бывает, что община формируется спонтанно, когда, допустим, открывается новый приход, и вот люди, ранее друг с другом не знакомые, но объединенные своей верой, объединяются в устройении нового прихода, нового храма. Совместный труд и совместные трапезы, совместная работа над приходскими проблемами сплачивает. Особенно, когда все скрепляется совместной молитвой.

В итоге складывается сообщество людей, которые друг друга знают, готовы носить тяготы друг друга. Чаще они уже прошли и через конфликты, потому что все люди приходят в Церковь со своими огромными минусами, и вот когда люди научились преодолевать эти столкновения своих и чужих минусов, которые мы называем конфликтами, то это только начало установления общинной жизни.

И нередко бывает, что пришел человек на богослужение, потом еще, а потом начинает вливаться в приходскую жизнь. Люди остаются и убираться, и слушать беседы или лекции, на которых говорим о Евангелии, о богослужении. Постепенно начинают общаться друг с другом.

Ну, а кто-то так и не становится членом общины – здесь никто никого не неволит.

Общинная жизнь – это, как я уже сказал, соучастие в делах и прихода, и других людей. Вот, например, возникли у человека проблемы, и всем объявляется, что нужна помощь, возможно, начинается сбор средств. А кто-то может собраться и поехать помочь просто бабушке обои поклеить!

Конечно, богослужение – важнейшая составляющая, но на этом не кончается участие в жизни Церкви. Важно деятельное исполнение заповедей.

С другой стороны, нужно понимать, что любая социальная работа – это не цель, а только инструмент нашего спасения. Если мы просто начинаем заниматься социальной деятельностью потому, что это хорошо, потому, что это действительно помогает тем, кто нуждается, и ставим здесь точку – неправильно.

Важна запятая и продолжение, – что во главе всего Господь, наше совместное сотрудничество ради спасения. Только тогда все наполняется конечным смыслом.

Радость и открытость

Бывает так, что община устроилась, есть костяк 20, 30 или даже 40 человек, и – организуется некий «круг избранных», в который неохотно принимают вновь приходящих. Или даже больше народа может быть, если священник популярный и авторитетный. И возникает некий двойной стандарт поведения, сознание, что есть «мы» и «они».

Это огромная ошибка. Каждый впервые пришедший в этот храм человек будет видеть эту чуждую Евангелию элитарность, отчуждение «приближенных» от всех прочих.

Мы часто ругаем сектантов за их технологии привлечения адептов, но стоит, всё же, посмотреть, как они радуются каждому новому человеку, который пришел к ним.

Думаю, что этого нам не хватает, потому что когда к нам приходит новый человек, почему-то от него мы можем начать требовать: «Ах, ты не знаешь правил, не так стоишь, не так повернулся, вообще иди, читай Псалтырь»... И человек может уйти, хорошо, если не навсегда. Но кто научил его этим правилам, для начала?

Я помню давний разбор полетов на одном из собраний духовенства, когда священник отказал в крещении, потому что крестные не знали молитвы «Отче наш». Тогда владыка Иоанн, нынешний митрополит Белгородский, так сформулировал главную претензию к батюшке: «А что ты сам лично сделал для того, чтобы они узнали эту молитву, чтоб они, в конце концов-то, научились ей»?

Мы должны быть открыты для вновь приходящих. Готовы поделиться тем, что знаем и умеем сами. Поэтому, когда мы говорим о признаках современной общины, о ее начале, то это, прежде всего, общение людей между собой, искренность, прямотушие.

Если в общине все устроено правильно, не нужно даже выделять специальных людей, которые бы дежурили и всем всё рассказывали, как сейчас пишут в разных предписаниях и рекомендациях. Каждый будет готов подойти, рассказать, объяснить.

Так получилось, что я больше попадал на приходы, которые только что начинали как-то устраиваться. Первый храм, куда я был назначен настоятелем, – небольшой храм городской, недавно построенный.

В храме была только одна бабушка-свечница, которая сказала: «О, наконец-то я вас дождалась», – бросила мне ключи от лавки и ушла. Не было ни клироса, ни постоянного прихода.

Исключительно Божьей милостью (потому что я тогда был недавно рукоположен и не имел никакого опыта еще) через полтора года сложилась община в 20–30 человек, которые действительно друг друга знали, молились друг за друга и были рады каждому новому человеку.

Священник – авторитет и авторитарность

Священник, разумеется, должен быть авторитетом для всех прихожан. Но без такого авторитарного: «как я сказал, так и будет». Он должен всегда давать возможность высказаться людям, уметь слушать чужое мнение, объяснять аргументированно свое.

Понятно, что батюшка, получив крест и священный сан, автоматически не становится экспертом во всех областях. Если нам нужно сделать электропроводку, а священник в этом плохо понимает, лучше, может, внимательно послушать какого-нибудь Ивана Ивановича из нашего прихода, который всю жизнь работал инженером-энергетиком?

Хотя все равно настоятель отвечает за все принятые решения. При этом батюшка должен объяснять, почему такое решение принимается. Так, например, мы делаем на приходских собраниях отчет о наших доходах, расходах: столько получили в качестве пожертвований, столько потратили на налоги, на зарплаты, на коммунальные платежи.

Даже был случай, когда бабушки – прихожанки, выслушав отчет, сказали: «А что это хористы получают так много?» Ответил: «Хорошо, давайте вы будете петь бесплатно, и мы здесь сэкономим». Петь сами не согласились, сказали: «Ну, раз так надо, то пусть. Хорошо же поют».

Если духовенство искренне в отношениях с прихожанами и не закрыто от любых острых вопросов, то и народ Божий будет уважать своих пастырей.

Община или сборище сектантов?

Бывает, когда кто-то начинает грубо вклиниваться в личную жизнь прихожан: «Вы не так живете, не так детей воспитываете, не так строите отношения с мужем (женой)».

Община тем и важна, что она строится на взаимообщении, на взаимопонимании, и, главное, на христианской любви. Даже если я вижу, что человек живет неправильно, никогда не буду ему приказывать: «А ну-ка, давай-ка, живи по-другому».

Единственно, что по-братски можно сказать: «Брат, смотри, кажется, здесь ты не так поступил, как по Евангелию. Давай помолимся, поразмышляем, – как можно поступить».

Я думаю, что самый лучший способ, которым община может воздействовать на личную жизнь своих членов – это коллективная молитва за тех людей, у которых не все хорошо. А какие-то там требования так или иначе поступить – это уже сектантство.

В большом храме

Община в огромном городском соборе, где, бывает, тысячи человек стоят на службе, даже в современном понимании, невозможна. Но если духовенство этого собора будет открыто, то постоянный приход все равно будет пополняться.

Всегда бывает, что кто-то зашел, как говорится «исполнить религиозную потребность», а кто-то сердцем прикипел к этому собору. И от них, и от священников зависит – будут ли переходить люди из первой категории во вторую.

Бывает, что человек не остается в храме по причинам внешним, от нас не зависящим. Мы сделать ничего не можем. Но если человек ушел оттого, что просто мы не смогли ему дать то, что должны были дать как христиане, это наша вина. Надо стараться этого избегать.

Когда священник уходит...

Случается, когда священника, который активно занимался формированием общины, переводят в другой приход. Часто и община идет за священником в другой храм.

Но для чего батюшку куда-то переводить? Если священника поставили на какой-то приход, пусть он и служит. Практика постоянного перевода священника с места на место – неверная. Я слышал, что она сложилась в советский период именно для того, чтобы не возникало тесных отношений духовенства с народом Божиим.

Но, в любом случае, и когда священника перевели, и когда он умер, надо понимать, что община собирается не вокруг священника, а вокруг Христа, вокруг Чаши. И батюшка просто имеет послушание от Господа Бога, от Церкви предстоять в молитвах от лица всех пред Престолом.

Поэтому бывает большой ошибкой, «внутрицерковным сектантством», когда люди воспринимают священника как центр своего церковного общения, единственного для них, неповторимого.

Если люди собираются вокруг Христа, то уход священника: или смерть, или какой-то перевод, переезд его в дальние места, они воспримут правильно и верно. Для молитвы нет расстояний.

Мне приходилось служить во многих местах, но это естественно для сотрудника миссионерского отдела. Если же священник приходской, то, мне кажется, он должен служить на одном месте.

И здесь хорошо какое-то духовное преемство, допустим, когда возрастает на приходе другой священник, – его преемник из числа тех, кто постоянно ходит в храм и является частью общины.

Это тоже очень важно, чтобы, по возможности, рукополагали священников из числа тех, кого знают люди и понимают как духовного наставника. Тогда и традиции прихода будут передаваться безболезненно.

Конечно, по-разному бывает: вот пришел новый батюшка и в первую же неделю начал: «Всё у вас было неправильно, вот эти иконы старые убрать, это срочно изменить, с завтрашнего дня начнем вот так...». Разумеется, это будет вызывать у людей неприятие.

Если же батюшка ничего подобного не делал, вел себя корректно, но приход его не принимает, значит, в приходе было неправильное духовное устроение.

Про главное

В общине актуализируется Церковь. Согласно слову Спасителя, «где двое или трое собраны во имя Мое, там Я посреди них» (Мф. 18:20).

Я думаю, что община проявляется при содействии Бога и человека. Тогда, когда и люди открыты и готовы, и желают этого. При несомненном действии Божьего промысла.

Только если мы опираемся на то, что мы все обращены к Богу и для этого даны друг другу здесь, сейчас, в этом месте, в этой молитве, – тогда, через нас, через наше общение здесь действует Сам Христос. Но, возможно, на это потребуется вся наша жизнь.